

УДК 325(571.1)(71)''16/17''

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИИ АРКТИЧЕСКИХ И СУБАРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ СИБИРИ И ВОСТОЧНОЙ КАНАДЫ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: sokolowski@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ колонизации районов Сибири, расположенных севернее 60° с. ш., и районов Восточной Канады – севернее 50° с. ш., в XVII – начале XVIII в. Выявляется общее и особенное этих процессов, делается предположение об их взаимосвязи.

Ключевые слова: Сибирь, Канада, арктические и субарктические районы, колонизация, меховая торговля, боевые действия, гарнизоны.

Арктический и субарктический климатические пояса занимают огромные площади континентальной суши. На начало XVIII в. к ним относилось около 7,5 млн км² русских зауральских владений и около 7 млн км² на территории современной Канады.

Климат этих поясов очень суров. Например, климат Мангазеи, лежащей чуть севернее 66° 33', описывается исследователями следующим образом: «...континентальный-холодный, характеризуется большой разницей летних (максимум +37 С) и зимних (минимум -63 С) температур, низкой (-8,3 С) среднегодовой температурой. Устойчивый снежный покров держится более семи месяцев... Сочетание ветров с низкими температурами обуславливает большую суровость зимней погоды» [1, с. 26]. Такие условия предъявляют особые требования ко всем сторонам жизни людей. Одежда, жилище, поведение должны быть приспособлены к долговременному воздействию низких температур, низкой инсоляции, трудностям с продовольствием. По этим причинам данные территории заселены слабо, хотя они были освоены человеком еще в каменном веке. Сложившееся несколько десятков тысячелетий назад автохтонное население представляло первую волну переселенцев, второй стало европейское население, пришедшее в эти области в раннее Новое время. Процесс вторичной колонизации происходил в обоих полушариях в сопоставимое время, и сравнение его двух вариантов – евразийского и североамериканского – и является предметом нашего исследования.

Для того чтобы территория стала объектом колонизации, она предварительно должна быть представлена сознанию, иначе говоря, «открыта». Еще с эпохи Великих географических открытий европейская культура выработала механизм «открытия», связанный с мореплаванием. Схожий механизм, хотя и ориентированный на другие социальные институты, сложился к

концу XVI в. и в Московском государстве (подробнее об этом механизме см.: [2, с. 192–194]).

Ход открытия новых территорий представляет первое существенное различие между Канадой и Сибирью. Значительная часть приарктической территории Канады прилегает к огромному внутриматериковому морю, носящему имя Гудзонова залива. Его площадь равна 1,23 млн км², максимальная протяженность с севера на юг 1370 км, а с запада на восток 1050 км. В залив впадает множество рек. Когда в 1670 г. английский король Карл II (Charles) в Хартии, данной Компании Гудзонова залива (далее – КГЗ), определил ее владения по бассейну всех рек, впадающих в залив, в юрисдикцию компании отошло примерно 3,9 млн км² (около трети территории современной Канады). Залив и реки предопределили преимущественно морской характер открытия этих территорий.

Непосредственно открытию Гудзонова залива и одноименного пролива предшествовал этап стихийного освоения французскими рыбаками богатых промысловыми сортами рыбы банок Ньюфаундленда. Освоение это началось уже в конце XIV в. Южное побережье п-ова Лабрадор было открыто и исследовано во время морских экспедиций Картье в 1534 и 1535 гг., а Гудзонов залив и пролив открыты только в 1576 г. Фробишером и обследованы Гудзоном, в 1610 г. и Гудзоном совместно с Прикетом в 1611 г., Баттоном в 1612 и 1613 гг., Джеймсом в 1631 и 1632 гг. [3, с. 321, 328–334].

Этапы исследования сибирской Арктики и Субарктики примерно совпадают с канадскими, однако, в отличие от исследователей Гудзонова залива, русские первооткрыватели бассейнов Оби, Енисея и Лены двигались по рекам. Точно так же, как и в Северной Америке, этапу открытия предшествовал этап стихийных контактов с приобским Зауральем, однако главным стимулом здесь была не рыба, а меха пушных зверей.

В первой половине 1580-х гг. происходит обследование бассейна Оби и ее притоков, проведенное Ермаком и его спутниками. В первой половине 1590-х гг. в Северном Приобье уже основываются русские укрепленные пункты с постоянным населением — это Березов, Сургут (оба — 1593 г.) и Обдорск (1595), расположенный в районе Полярного круга. В XVII в., меньше чем через десять лет после них, на широте Обдорска русские землепроходцы основывают Мангазею (1600) и Туруханск (1607). Таким образом, продвижение русских в бассейн р. Таз и занятие нижнего течения Енисея совпадают по времени с экспедициями Гудзона [4, с. 283–284; 5, с. 310–312; 6, с. 25].

В 1630-х гг. благодаря нескольким удачным походам был исследован и освоен бассейн р. Лены. В 1630–1635 гг. В.Е. Бугор и И. Галкин открывают р. Алдан, М.Н. Васильев — р. Вилюй, П. Бекетов и И. Падерин — р. Лену в ее верхнем и нижнем течениях, М. Перфильев и И.И. Ребров открывают устье р. Лены, море Лаптевых (в 1633 г.), р. Оленек (не ранее августа 1634 г.) и Яна (1634 г.) [3, с. 273–281]. В 1632 г. на месте, близком к современному Якутску, основывается постоянное русское поселение. В 1630–1640-е гг. в Якутском уезде создается сеть ясачных зимовий [6, с. 39–85]. В 1638–1640 гг. И.И. Ребров совершает открытие р. Индигирки. После целого ряда других экспедиций русские к середине 1640-х гг. выходят к побережью Охотского моря и открывают пролив, отделяющий Евразию от Северной Америки. Созданная в ходе первичного освоения сеть опорных пунктов позволяла поддерживать сборщиков натурального государственного налога («ясака») и являлась подспорьем для разворачивания деятельности частных охотников («промышленников»). Аборигены должны были приходиться к зимовьям раз в год для уплаты ясака и торга.

На этапе создания сети постоянных или временных пунктов колонизации, ориентированных на тот или иной способ эксплуатации природных богатств края, мы видим существенную разницу между русской и европейской колонизацией региона. Колонизация субарктической Канады начинается значительно позднее. В 1668 г., при помощи двух беглых франко-канадцев англичане основывают факторию на р. Руперт (в южной части залива Джеймса), назвав ее Форт Чарльз (51° 28' 48" с. ш., 78° 45' 0" з. д.) [7, с. 2]. Инкорпорация в 1670 г. английской КГЗ приводит к переходу под ее юрисдикцию форта Чарльз (Руперт) и основанию в 1673–1683 гг. факторий в устье р. Муз (там же, в заливе Джеймса, в 1673 г. (51° 15' 30" с. ш., 80° 36' 0" з. д.) и в устье р. Северин (56° 0' 37" с.ш., 87° 35' 9" з. д.), в устье р. Нельсон, известной как фактория Йорк (или форт Нельсон) (57° 0' 9.8" с. ш., 92° 18' 17.3" з. д.). Позднее, опять же в заливе Джеймса, была основана пятая фактория — форт Олбани (52° 15' 4" с. ш., 81° 30' 4" з. д.) [8, с. 133–197].

Поздняя колонизация региона связана с тем, что объектом промысловой деятельности европейцев был не соболь, как у русских, а бобер. Ареал его обитания простирается от северной границы Мексики до зоны

полярных льдов. Хищническая добыча бобра привела к значительному уменьшению пушного промысла южнее р. Св. Лаврентия [9, с. 25, 45, 47, 56, 60, 72; 10, с. 65, 83, 87, 210, 383]. В 1625 г. из Новых Нидерландов, особенно из форта Оранж (ныне Олбани, Нью-Йорк), вывезли 5738 шкурок, в 1633 г. уже 15 174, а в 1656 г. — 35 тыс., что привело к тому, что в 1669 г. вывоз сократился до 25 тыс. шкурок, а в XVIII в. пушная торговля и промысел на данной территории были и вовсе прекращены. В 1712 г. англичане вывезли из Виргинии рекордные 40 тыс. бобровых шкурок. Французы в октябре 1693 г. доставили в Ла-Рошель 235 786 шкурок из Канады, а в 1702 г. в Монреаль было доставлено 581 380 шкурок [11, с.170, 174, 175, 176; 12, с. 279–280; 13, с. 948].

Центры русской колонизации с гарнизонами, с воеводской администрацией были достаточно крупными постоянными поселениями. Поэтому московская администрация в начале XVII в. испытывала серьезные трудности при снабжении их продовольствием, поскольку выращивание здесь зерновых было невозможно по климатическим условиям. В декабре 1621 г. царь Михаил Федорович распорядился, чтобы архиепископ Нектарий и тобольский воевода рассмотрели проект томского воеводы Ф. Бабарыкина ликвидировать постоянные гарнизоны в Березове и Сургуте. В Березове Ф. Бабарыкин предлагал оставить 50 или 100 «годовальщиков», посылаемых из других городов, на тех же условиях, что и 100 «годовальщиков», посылаемых в Мангазею [14, с. 182–183]. В 1626 г. в Мангазее уже постоянно жили 53 служилых [15, с. 137]. В 1628 г. гарнизон Березова насчитывал 293 чел. (4 в чинах детей боярских и казачьих атаманов, а 289 рядовых «литвы», стрельцов и казаков). Из этого числа 50 чел. высылались в Мангазею, а 25 — на Нижнюю Тунгуску. В Сургуте в это же время числилось 2 чел. «начальных людей» и 200 рядовых [16, с. 55]. Начиная с 1629 г. постоянный гарнизон Мангазеи вырос примерно до 90 чел. [15, с. 176]. Этот проект по ликвидации постоянных гарнизонов так и остался не реализованным и на протяжении XVII в. численность гарнизонов в Березове и Сургуте колебалась вокруг цифры 300 чел. — для первого и 200 чел. — для второго [17, с. 29]. В 1699 г. в Якутске было 951 чел., которые получали жалование, в это число включали не только служилых людей, но и разного рода ружников и оброчников (т. е. церковный притч и казенных мастеров). В Сургуте проживало 200 чел. тех же категорий. В Новой Мангазее (Туруханске) к этим категориям относились 168 чел. В Березове жалование получал 331 чел. [16, с. 150, 157, 158]. Следовательно, к концу века на арктических и субарктических территориях Сибири на постоянной основе проживало более 1500 чел., только состоявших на государственном жаловании, не считая других категорий населения и тех, кто присутствовал на указанных территориях на временной основе («промышленников», «гулящих людей»).

Европейские силы на побережье Гудзона залива были меньше. В 1682 г. в форте Бурбон (фактория Йорк) гарнизон состоял из 8 чел. В 1684 г. там обос-

новался английский гарнизон – 50 чел. и 20 пушек. В 1686 г. французский отряд, захвативший три английские фактории в заливе Джеймса, насчитывал 100 рядовых, 6 офицеров и духовника. В первом же захваченном ими форте оказался гарнизон в 17 чел. В 1687 г. французы столкнулись с угрозой голода и вывели основные силы, оставив в каждой фактории по 12 чел. В 1688 г. у форта Олбани столкнулись английская эскадра (два корабля – 85 чел.) и французский корабль. 15 августа (н. ст.) 1688 г., уже после капитуляции англичан, к французам подошла подмога – 38 чел. В 1693 г. в форте Св. Анны (Олбани) оставалось 5 чел. В 1709 г. Олбани пытался захватить отряд из 100 французов и т.д. [7, с. 3, 4, 69]. Даже в период наиболее острой конфронтации с обеих сторон были задействованы лишь десятки людей, находившихся там временно, что составляет разительный контраст с многочисленным постоянным русским населением.

Колонизация побережья Гудзонова залива сопровождалась ожесточенными столкновениями между представителями английской и французской монархий. В 1868 г. английские фактории были захвачены французами, в 1693 г. отбиты, в 1698 г., вновь захвачены французами, кроме форта Олбани, который оставался английским до 1713 г., когда по Утрехтскому миру Франция была вынуждена уступить все побережье Гудзонова залива [7, с. 3, 4, 14]. В XVII в. русские полярные владения не оспаривались с помощью открытой военной силы ни одним европейским государством.

Сразу же после их создания в английских факториях развернулась активная скупка пушнины. В конце XVII в. корабли КГЗ доставили в Лондон в 1688–1692 гг. 140 тыс., а в 1693–1694 – 150 тыс. шкурок [11, с. 175]. Систематические данные по факториям имеются с начала XVIII в. Среднегодовое количество бобровых шкурок, скупаемых в форте Олбани в 1700–1720 гг., примерно 19 тыс. шт., с широкими колебаниями по годам, в диапазоне около 15 до 30 тыс. шт. Данные о количестве бобровых шкурок, скупленных в фактории Йорк, имеются только с 1716 г. Первоначально их количество было невелико – 3–5 тыс. шкурок в год. К середине XVIII в. добыча бобровых шкурок многократно увеличилась, что привело к истреблению этого животного и снижению размеров закупок. Положение не изменил даже рост цен [18]¹.

Первоначально импорт бобровых шкурок из арктических районов Канады должен был дополнить вывоз из других частей континента и заместить сокращающийся ввоз мехов, поступающих на европейский рынок из Сибири. Однако из России была вывезена технология изготовления бобрового войлока (фетра), что привело к резкому росту спроса. В Великобритании в XVIII в. производство «бобровых шляп» было организовано в индустриальных масштабах [11,

с. 169]. Если в 1700 г. из Англии было вывезено около 140 тыс. головных уборов из шкур и фетра, то через полгода было экспортировано более 870 тыс. шт.²

Объемы экспорта бобровых шкур сравнимы с экспортом мехов из Сибири. В книге П.Н. Павлова приведены данные по объемам как государственного, так и частного присвоения соболя. Однако данные сохранились не полностью и доступны не за все годы столетия. Например, для Мангазеи имеются данные за 29 лет по ясаку и за 40 лет по частной торговле с 1624 по 1685 г. Средний объем ясака был в эти годы 9,2 тыс. шкурок и частного рынка – 23,2 тыс. Только в Якутске, без уезда, с 1630 по 1687 г. средний сбор составил 7,5 тыс. соболей ежегодного ясака и 13 тыс. на свободном рынке. Из Сургута в 1625–1657 гг. в среднем поступало 3,2 тыс. и 2,8 тыс. соболей ежегодно (данные за 12 и 10 лет соответственно) [19, с. 358–353, 370–375]. Мы видим те же тенденции, что и в Канаде: среднегодовые объемы, как минимум, 20–30 тыс. шкурок на факторию и тенденцию к «испромышлению» ценных видов пушного зверя. Это толкало к расширению территории, на которой велась заготовка пушнины.

Подведем некоторые итоги.

1. Открытие субарктических областей восточной территории Канады и севера Сибири начинается в одно и то же время и охватывает три этапа: ранний (конец XV – XVI в.), средний (1600–1610-е гг.) и поздний (1630-е гг.). К 1640-м гг. соответствующие районы Севера становятся в основных своих чертах известными. Основное различие в ходе открытий заключается в способе передвижения: европейцы путешествуют преимущественно по морю и частично по рекам, а русские – преимущественно по рекам и частично по морю.

2. Значительно отличаются временные рамки создания постоянных поселений и административных центров. Колонизация субарктической Канады отстает от русской почти на сто лет. Первые русские поселения создаются еще в конце XVI в., тогда как сеть европейских факторий складывается лишь к концу XVII в.

3. Начав колонизацию региона, русские активно заселяют арктический и субарктический регион, создав на протяжении XVII в. севернее 60° с. ш. четыре центра воеводской власти (Березов, Сургут, Мангазея, с 1670-х гг. Туруханск, Якутск) и около 60 «зимовий». Несколько относительно крупных населенных мест находится прямо на Полярном круге (Обдорск, Мангазея и др.). В отличие от русских, ни англичан, ни французы ни создают ни одного населенного пункта севернее 60° с. ш. Все их фактории расположены между 51° и 57° с. ш.

4. Европейская колонизация субарктической Канады происходит за счет создания очень редкой сети факторий (примерно в 15 раз более редкой, чем русской), с минимальным постоянным европейским населением. За весь изучаемый период в этой части Канады англичанами и французами не было создано ни одного полноценного центра государственной власти.

¹ Carlos A., Lewis F. Fur Trade (1670–1870) // EH.Net Encyclopedia / ed. R. Whaples. March 16, 2008. URL <http://eh.net/encyclopedia/article/carlos.lewis.furtrade> (дата обращения: 06.01. 2013).

² Там же.

5. Как русская, так и европейская модели колонизации предполагают очень схожую территориальную схему общения с аборигенами, которые сами должны приходить для обмена в фактории колонизаторов. Однако европейская модель строит эти отношения на целиком рыночной основе – на свободном обмене продуктами.

6. Еще одно отличие в русской и европейской моделях колонизации предполагает наличие или отсутствие очень сильного геополитического соперника. Вся колонизация субарктической Канады в конце XVII – первой четверти XVIII в. осуществляется под знаком острого соперничества Англии и Франции, при сравнительном безразличии аборигенного населения. Русская колонизация сходного региона проходит при полном отсутствии такого рода конкурента (только при смутном намеке на него).

7. Колонизация Севера Сибири и освоение субарктической Канады оказались связанными посредством европейского рынка. Падение объемов пушных товаров, поступавших в Европу из Сибири, привело к росту спроса на канадские меха. Заимствование русских технологий позволило поставить производство меховых изделий на индустриальные рельсы. Однако, как и русский проект, европейский проект промысловой колонизации закончился истреблением пушного зверя и падением прибылей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазья – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2007.
2. Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979.

3. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: в 5 т. М., 1983. Т. 2: Конец XV – середина XVII в.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.; Л., 1937. Т. 1.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М., 2005. Т. 3.
7. De Troyes P. Journal de l'expédition du chevalier de Troyes à la baie d'Hudson en 1686. E. et ann. par l'abbé Ivanhoe Caron. Beauceville, 1918.
8. Beckles Willson. The great company: In 2 vols. L., 1900. Vol. 1.
9. Barnes William. The settlement and early history of Albany. Albany, N.Y., J. Munsell, 1864.
10. Laws and Ordinances of New Netherland, 1638–1674 / compiled and translated from the Original Dutch Records in the Office of the Secretary of State / ed by E.B. O'Callaghan. Albany; N.Y., 1868.
11. Davies Kenneth Gordon. The North Atlantic World in the Seventeenth Century. Minneapolis; L., 1974.
12. Merwick D. Possessing Albany, 1630–1710. The Dutch and English Experiences. Cambridge, 1990.
13. Chase J. [Rec. ad op.] Merwick D. Possessing Albany, 1630–1710, The Dutch and English Experiences // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1992. Vol. 47, N 4.
14. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV).
15. Обдорский край и Мангазья а XVII веке: сб. документов / сост.: Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004.
16. Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев, Д.Я. Резун при участии А.А. Бродникова и И.Ю. Просекова; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1994.
17. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
18. Carlos Ann M., Lewis Frank D. Commerce by a Frozen Sea Native Americans and the European Fur Trade 264 pages – 25 illus. University of Pennsylvania Press, 2010.
19. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

Статья поступила
в редакцию 05.11.2012

УДК 94(57).063

А.Х. ЭЛЕРТ

НАСЕЛЕНИЕ МАНГАЗЕЙСКОГО УЕЗДА ПО АНКЕТНЫМ ДАННЫМ 1739 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: alexandrelerert@yahoo.com

В статье анализируются материалы «Ведомости» Мангазейской уездной канцелярии, составленной в 1739 г. по вопросным пунктам анкеты академика Г.Ф. Миллера 1738 г., характеризующие русское и коренное население уезда. Основное внимание уделяется численности, сословному составу и расселению русского служилого и податного населения, численности и этническому составу коренных жителей, а также особенностям ясачной политики уездных властей.

Ключевые слова: анкеты Академии наук, Г.Ф. Миллер, Вторая Камчатская экспедиция, Мангазейский уезд, население, демография, история.

Во время путешествия по Сибири в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) академик Г.Ф. Миллер поставил перед

собой целью собрать путем анкетирования официальные данные об истории, экономике, сословном составе, численности и расселении русского населения, его